

Изнасилование Берлина

Скоро сумерки, и я пришла в Трептов-парк в Восточном Берлине, чтобы увидеть огромный памятник советским воинам. Я вижу мужчину, держащего ребенка. Я, Люси Эш, смотрю на 12-метровую статую, изображающую советского солдата с мечом в одной руке, маленькой немецкой девочкой в другой и топчущего сломанную свастику. Монумент освещен изнутри и выглядит как квазирелигиозная картина.

Это последнее пристанище для 5000 из 80000 советских солдат, погибших в битве за Берлин с 16 апреля по 2 мая 1945 года. Некоторые немцы называют этот мемориал могилой неизвестного насильника.

Можно увидеть Россию-мать в красном плаще, скорбно смотрящую вниз, и надпись, гласящую, что эта война спасла цивилизацию Европы от фашистов. Это история, включающая графические и тревожные материалы. Многие русские считают упоминание о насилиях советских солдат в побежденной Германии оскорбительными и регулярно отвергают их в российских СМИ как западный миф.

Вы, конечно, не можете говорить о том, что произошло в Германии в 1945 году, в изоляции. Чтобы понять предысторию, мне пришлось поехать в Москву и вернуться назад во времени, потому что сначала было нацистское вторжение в Россию, или, как говорил Гитлер, война на уничтожение. Я направляюсь в пригород на северо-востоке Москвы, чтобы встретиться с ветераном войны.

Честно говоря, я немного тревожусь, потому что недавно Дума — российский парламент — приняла закон, который гласит, что любой, кто порочит Красную Армию или российскую историю в Великой Отечественной войне, может столкнуться с штрафами и до пяти лет тюрьмы.

92-летний Юрий Васильевич Ляшенко, покрытый медалями, принял меня в своей тесной квартире на верхнем этаже многоэтажного дома, угостив вареными яйцами и бренди. Его отец был артистом, и маленький Юра танцевал на сцене с ним в красном плаще и с деревянным кинжалом. Он хотел стать инженером, но прежде чем он смог поступить в университет, его призвали в армию.

Юрий Васильевич только что произнес тост, сказав, что они вели очень долгую и трудную войну, чтобы принести мир в Европу, и что он надеется, что не будет третьей мировой войны. Тосты за мир были клише советской эпохи и часто казались заученными, но слова Ляшенко мне показались искренними. Вместе мы отправляемся в путешествие, насыщенное бренди, более чем на семь десятилетий назад, к пакту Риббентропа-Молотова, который сделал Гитлера и Сталина союзниками,

пока одним летним днем в 1941 году фюрер не запустил операцию "Барбаросса".

Помните ли вы, что делали 22 июня, когда немцы вторглись в СССР?

Конечно, помню. Я могу очень четко это представить. Наши командиры ушли на перерыв, оставив нас одних в палатках. В 4 утра мы услышали звуки треска и щелчков, затем вдруг наши палатки начали дрожать, пули пробивали холст. Один из его четырех школьных друзей оказался в боях в Белоруссии. Позже он написал Ляшенко.

Он сказал, что когда немцы проходили через населенные пункты, они уничтожали их полностью. Ничего не оставалось. Только трубы от дымоходов, где раньше были дома.

И такая же история была в Украине. Куда бы ни шли немцы, люди и деревни стирались с лица земли. Ляшенко вскоре был ранен недалеко от украинского города Винница и чуть не потерял ногу.

После двух лет в ряде военных госпиталей он вернулся в строй, сражаясь до самого Берлина, где мы снова его встретим позже. Спустя три месяца после вторжения в Советский Союз Гитлер восхвалял свое вторжение как величайшую битву в истории мира против врага, не являющегося людьми, а животными. Вермахт якобы был хорошо организованной силой арийцев, которые никогда не задумывались бы о сексе с низшим сортом людей.

Но что происходило на самом деле?

Один из исследователей этого вопроса — Олег Будницкий, выдающийся историк из Высшей школы экономики в Москве, который называет себя сам «архивной крысой». Он выступил с исследованием сексуального насилия как на немецкой, так и на русской территории.

Вы знаете, формально немцам было запрещено вступать в сексуальные отношения с местными женщинами. Были две причины: одна идеологическая, но самая важная причина заключалась в том, что немецкое командование боялось заражения венерическими заболеваниями.

Теоретически это было запрещено. Практически немецкие солдаты не обращали внимания на этот запрет. Они создали систему военных борделей.

Бордели?

Да, бордели. И некоторые местные женщины были вынуждены работать в этих борделях, потому что у них не было других средств к выживанию. Также были случаи изнасилований.

Иногда такие случаи рассматривались немецкими военными судами. Согласно одному немецкому судье, славянские женщины не понимают понятие чести, поэтому изнасилование — не большая провинность. Основная причина наказания была нарушением военной дисциплины.

То есть нарушение дисциплины было гораздо хуже, чем само изнасилование женщины?

Да, именно так. Эта фотография была сделана немецким солдатом, солдатом вермахта. И вы можете увидеть его тень на снимке, он выглядит как поле с кукурузой.

Трудно найти прямые доказательства того, как немецкие солдаты обращались с русскими женщинами. Многие жертвы не выжили. Однако Йорг Мори, директор Немецко-русского музея в Берлине, имеет фотографию, которую хочет показать мне.

Это фото, сделанное в Крыму из личного альбома немецкого солдата, на котором изображено тело женщины, распростертое на земле. Похоже, что ее убили во время изнасилования или после него. Ее юбка задрана, а руки лежат перед лицом.

И ее чулки спущены. Да, это шокирующее фото. Оно не говорит о войне, оно показывает ее.

Сексуальное насилие со стороны немецких войск — это не обсуждаемая тема в России, но иногда она всплывает. Фильм "Бабы царства" из конца 60-х годов показывает 15-летнюю деревенскую девочку, помогающую немецкому солдату учить русский язык. Все улыбаются ей в ее хлопковом платье. Она исправляет его акцент, когда он пытается изнасиловать ее.

В 1942 году Верховный Совет создал чрезвычайную государственную комиссию для расследования преступлений нацистских захватчиков. Она содержит некоторые ужасающие свидетельства изнасилований и пыток. Но потом об этом мало кто говорил, - говорит Олег Будницкий. Около 70 миллионов русских жили на оккупированных территориях под немецким правлением. 75% из них были женщины.

Возможно, для русских мужчин признать, что они оставили женщин под властью немецких солдат, было также своего рода позором.

У вас есть доказательства того, что солдаты, когда они вошли на немецкую территорию через Восточную Пруссию, и что месть была очень важным фактором в том, как они обращались с женщинами?

Да, конечно, я читал такие примеры, например, письмо, которое один советский солдат отправил своей сестре в Москву, когда Красная Армия вошла в Белоруссию. Когда он своими глазами увидел сожженные

деревни, сожженных людей, он написал, что, по его мнению, немцев следует убивать как бешеных собак.

Война не школа гуманизма. Это школа жестокости. Захваченные приказы инструктировали немецкие войска при оккупации населенных мест выгонять население из домов, чтобы оно погибло на холоде.

Этот советский пропагандистский фильм с английским закадровым голосом 1942 года показывает женщин в платках, заламывающих руки над кучами частей тел в снегу. Определенное количество жестокости при выполнении этого приказа неизбежно, иначе он был бы нарушен.

К 1944 году ход войны начал меняться.

Советские войска освобождали свою территорию и затем продвигались на запад в Германию. Русский медведь сокрушал нацистского орла дюйм за дюймом, милю за милей.

Вернувшись в квартиру в Москве, я спросила ветерана Ляшенко, жаждал ли он или его товарищи по Красной Армии мести.

Он не дает мне прямого ответа, но говорит, что для него нет моральной эквивалентности. Гитлер приказал своей армии уничтожить все наше население, чтобы совсем не осталось России. Но наше политическое руководство работало с гражданскими лицами и армией.

Изнасилования и другие преступления решались в воинских частях командирами. Технически говоря, Красная Армия действовала по строгим правилам, которые должны были защищать гражданских лиц.

Правозащитник Мариана Муравьева из Оксфордского университета Брукса является экспертом по истории российских армейских регламентов.

Армии насилуют не только женщин-врагов, но и своих собственных женщин. Именно поэтому обычно существуют очень строгие военные законы и дисциплинарные правила, запрещающие, прежде всего, любое плохое обращение с гражданским населением, в первую очередь, своим собственным. Во время войны действовал специальный закон.

Именно это и произошло в 1941 году, когда было введено чрезвычайное положение из-за войны. Все эти преступления стали подлежать судебному преследованию в военных судах и трибуналах. Это преступление предусматривало смертную казнь в условиях войны.

Политический отдел 19-й армии также заявил, что когда мы возвращаем истинное чувство ненависти в солдате, он не попытается заняться сексом с немецкой женщиной, потому что она будет ему противна. Но несмотря на декларации, указы и устрашения, мы знаем,

что советские войска пренебрегли этими мнениями и мстили женщинам. То, чего мы не знаем, так это количество этих нападений.

Советские военные трибуналы в военное время остаются засекреченными. И мы говорим о периоде, который священен в коллективной памяти России, по словам историка Второй мировой войны Энтони Бивора. Русские, советские граждане, так много страдали с 1917 года: Гражданская война, голод, сталинские репрессии, террор.

И 1945 год, победа над фашистским зверем, была единственной вещью, которой каждый русский, каждый советский гражданин мог действительно гордиться.

Многие государственные архивы сейчас закрыты, но есть и другие способы восстановить прошлое, говорит Олег Будницкий. Есть множество неопубликованных дневников и заметок, написанных даже в советский период без какой-либо надежды на публикацию.

Буквально в каждом дневнике советского солдата, который был в Германии в тот период времени, можно найти довольно откровенное описание зверств или чего-то подобного.

Удивительно, но у меня был доступ к машинописи военного дневника, который вел лейтенант Владимир Гельфанд, молодой еврейский солдат из Украины. Он был убежденным сталинистом и членом комсомола.

Несмотря на запрет на ведение дневников из-за угрозы безопасности, он описывал все как было на протяжении всей войны. Я позвонил его сыну Виталию, который сейчас живет в Берлине, он обнаружил военные дневники, когда разбирал бумаги отца после его смерти.

«Отец писал дневник для себя. Он был молод и бесстрашен, всего 18 лет в начале войны, почти еще ребенок. Когда война идет каждый день, ты не думаешь, что то, что ты пишешь, может быть для тебя опасным. Он писал, потому что не мог не писать. Он просто должен был все это писать».

Виталий зачитывает мне из рукописи неприукрашенную картину беспорядка в регулярных войсках Красной армии.

20 июля 1942 года, деревня Белинская.
Войска измотаны. Многие офицеры переоделись в гражданскую одежду. Большинство бросили оружие. Некоторые командиры сорвали свои знаки отличия. Такой стыд. Такое неожиданное и печальное несоответствие газетным отчетам.

Гельфанд описывает жалкие пайки, выделяемые фронтовым войскам, людей, которых терзали вши и голод, и людей, крадущих у своих товарищей вещи, даже их сапоги.

Когда Красная Армия продвигалась на запад, в логово фашистского зверя, как его называла советская пресса, плакаты вбивали в головы солдат: «Солдат! Ты теперь на немецкой земле. Час мести настал!».

Красная Армия двигалась на запад с штрафными батальонами впереди, состоящими из заключенных и других нежелательных элементов, которыми можно было жертвовать на минных полях. Сотни тысяч немецких гражданских лиц бежали перед ними, бросая дома, полные запасов, которые поражали, радовали, но также и злили советских солдат. Впервые в жизни восемь миллионов советских людей оказались за границей.

Советский Союз был закрытой страной. И то, что они знали о зарубежных странах, это безработица, голод, эксплуатация бедных богатыми и так далее. И когда они вошли в Европу, они увидели нечто совершенно отличное от сталинской России.

И особенно в Германии. И они были действительно в ярости, потому что не могли понять, почему, будучи такими богатыми, немцы пришли в Россию. Но гнев на немцев не был единственной мотивацией для сексуального насилия. Любой, кто вступал на немецкую территорию, был готов к разграблению.

Историк Энтони Бивор читает из доклада высокого уровня о обращении с женщинами, освобожденными из нацистских лагерей. И помните, здесь говорится о том, как советские солдаты обращались с советскими женщинами. В городе Бунцлау более 100 женщин и девушек находятся в штабе, но там нет охраны.

Из-за этого происходит много правонарушений и даже изнасилований женщин, живущих в этом общежитии, различными солдатами, которые входят в общежитие ночью и терроризируют женщин.

Мария Шаповал сказала: «Я ждала Красную Армию дни и ночи. Я ждала своего освобождения, а теперь наши солдаты обращаются с нами хуже, чем немцы. Я не рада, что я жива».

В ночь с 14 на 15 февраля, в одной из деревень, где пасся скот, карательная рота под командованием, или если это была не карательная рота, боюсь, что они должны были быть такими. Это были те самые штрафные батальоны?

Да.

Они были своего рода полностью криминализированы в результате жестокости. Я имею в виду, что их заставляли идти по минам перед остальными войсками. Им говорили, что они должны искупить свой долг перед родиной своей собственной кровью.

Бивор обнаружил еще несколько тревожных документов в Государственном архиве Российской Федерации. Они датируются концом 1944 года и были отправлены НКВД, тайной полицией, своему начальнику в Москву. Эти отчеты были направлены Берии, и затем переданы Сталину, и вы можете видеть по пометкам на них, были они прочитаны или нет. Они сообщали о массовых изнасилованиях в Восточной Пруссии и о том, как немецкие женщины пытались убить своих детей и покончить с собой.

И нацисты быстро воспользовались шансом изобразить советского врага как зверя. Пропаганда правительства, конечно, началась с Неммерсдорфа в октябре 1944 года, когда было первое вторжение на территорию Рейха в Восточной Пруссии. Были истории о женщинах, распятых на дверях амбаров после изнасилования и так далее.

Конечно, Геббельс ухватился за эту возможность и привез съемочные группы и фотографов. В эпизоде нацистской кинохроники *Deutscher Wochenschau* члены Фольксштурма, германской народной гвардии, смотрят на изувеченные трупы женщин и детей, лежащие на земле. И любопытно, что первая реакция в Германии была не воспринимать это всерьез, потому что они думали, что это, вероятно, пропаганда министерства.

Реальность начала действительно доходить до людей только тогда, когда беженцы из Восточной Пруссии начали прибывать в середине и конце января и в начале февраля 1945 года со своими историями о том, что происходило в Восточной Пруссии, Померании и, конечно, Силезии. И тогда, я думаю, женщины Берлина начали осознавать, с чем им предстоит столкнуться.

Стоя перед довольно скромной диорамой Битвы за Берлин в огромном московском музее Второй мировой войны, я попыталась представить, что чувствовал Юрий Ляшенко после четырех лет боев.

Видели ли вы, как водрузили флаг на Рейхстаг? Нет, когда флаг ставили на Рейхстаг, мы все еще сражались на разных этажах и крышах.

И что вы почувствовали, когда увидели этот красный флаг?

О, мы все кричали: «Это наше, это наше, это наше!» Такое чувство, как бы это сказать, ликования, чистого ликования. Все летало в воздухе. Солдаты стреляли в небо из пистолетов, из пулеметов, из винтовок. Некоторые даже стреляли из пушек.

Но им приходилось быть осторожными, чтобы никто не пострадал.

Берлин был конечной точкой. Когда премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль объявил о победе в Европе 8 мая, он подчеркнул благодарность нации Красной армии.

«Сегодня, возможно, мы будем думать в первую очередь о себе. Завтра мы отдадим особую дань уважения нашим героическим русским товарищам, чье мастерство на поле боя стало одним из великих вкладов в общую победу».

Пока лидеры союзников поднимали бокалы шампанского, бренди или водки, на улицах Берлина царил хаос.

Энтони Бивор говорит, что многие изнуренные сражениями солдаты искали забвения в алкоголе и цитирует самого известного военного корреспондента Советского Союза, Василия Гроссмана. Эта отчаянная потребность в алкоголе даже привела их к тому, что они пили формальдегид, который находили в лабораториях. Даже в день победы Василий Гроссман описывает, как все эти солдаты нашли банки с химикатами в Тиргартене в Берлине и начали их пить. И все они ослепли, сошли с ума и погибли в результате этого.

Другая сторона, конечно, и одна из самых ужасных сторон, была результатом алкоголя. Они часто не могли выполнить свои сексуальные функции и поэтому часто мстили женщинам, используя вместо этого бутылку или что-то другое, ужасное.

Некоторые солдаты Красной армии вели себя совсем по-другому. Ветеран Юрий Ляшенко вспоминает, как они раздавали хлеб, а не месть. «Конечно, мы не могли накормить всех, но делились тем, что у нас было, с детьми. Я помню маленьких детей, которые были в ужасе. Я помню выражение их глаз. Это было ужасно. Мне было их жалко».

Вы, безусловно, слышали, что в то время многие женщины были изнасилованы советскими солдатами.

«Я не уверен. Ну, в нашем подразделении такого не было. Но, конечно, такие вещи случались. Все зависело от характера людей. Люди были разные везде. Один человек помогал, другой злоупотреблял. Намерения человека не написаны на его лице, так что ты не мог знать», — говорит ветеран Красной армии Юрий Ляшенко.

Через несколько минут мы услышим точку зрения женщин в городе, где проявлялись худшие стороны человечества. Итак, в одной из художественных галерей на Фазаненштрассе я встретила очень милую сотрудницу галереи по имени Линн.

И она сказала, что собирается познакомить меня с охранником, который может рассказать нам, где находятся эти подвалы. Пойдем. Несколько ступенек из красного кирпича.

В этой специальной программе «Изнасилование Берлина» на BBC World Service я расследую сексуальное насилие 1945 года, когда Красная армия завоевала Германию и ее столицу, Берлин. Это история, которую многие женщины никогда не смогли рассказать, и она содержит некоторые тревожные материалы.

Здесь были металлические двери, похожие на двери бункера, которые можно было полностью закрыть. Стены здесь кирпичные и почерневшие, и вы можете понять, почему это было похоже на обитание в пещере. Что случилось в этом подвале? Какие секреты он хранит? Я смогла это представить благодаря дневнику, который вела одна женщина в Берлине в период освобождения, который сохранился и позже стал бестселлером, хотя десятилетиями никто не знал ее имени.

Она с иронией описывает себя и своих товарищей по пещере в бомбоубежище.

«Молодой человек в серых брюках и роговых очках, который при ближайшем рассмотрении оказывается молодой женщиной. Три старших сестры, все портнихи, сгрудились вместе, как большая черная колбаса. А затем я, бледнолицая блондинка, всегда одетая в одно и то же зимнее пальто».

Анонимный автор была много путешествующей журналисткой в начале 30-х годов. Она начала писать 20 апреля 1945 года, всего за десять дней до самоубийства Гитлера. Подразумевается, что она поддерживала нацистский режим.

«Я дышала тем, что было в воздухе», — размышляет она, и поэтому может показаться трудным отождествить себя с ней. И все же меня привлекала ее честность и проблески юмора. Пока пещерные обитатели ждали прибытия Красной армии, они шутили, что лучше русские сверху, чем янки над головой: изнасилование предпочтительнее, чем быть уничтоженным бомбами.

Но они оцепенели от страха, когда появились русские солдаты и попытались вытащить из подвала женщин. Они умоляли анонимного автора дневника использовать свои знания русского языка и пожаловаться советскому офицеру, и ей удалось найти одного.

По-видимому, Сталин заявил, что такого рода вещи не должны происходить. Но это происходит в любом случае. Офицер пожимает плечами.

Один из двух солдат, подвергшихся выговору, выражает свое возмущение, его лицо перекошено от гнева. «Что ты имеешь в виду? Ты разве не знаешь, что немцы сделали с нашими женщинами?» — кричит

он. «Они забрали мою сестру и…» Офицер успокаивает мужчин и выводит их наружу.

Жена пекаря хрипло спрашивает: «Они ушли?» Я киваю, но чтобы убедиться, выхожу в темный коридор. И тут они меня схватили. Те мужчины ждали в засаде.

Автор дневника жестоко изнасилована и почти задушена. Обитатели подвала, чтобы спасти свою шкуру, закрыли дверь перед ней. Наконец, две железные задвижки открылись.

«Мои чулки спущены до обуви. Я все еще держусь за остатки пояса для подвязок. Я начинаю кричать: “Вы свиньи! Здесь меня дважды изнасиловали подряд, а вы закрыли дверь и оставили меня лежать как кусок грязи”».

Тем временем на окраине Берлина наш 22-летний автор дневника Красной армии, лейтенант Владимир Гельфанд, кружил на велосипеде, впервые в жизни катался на нем, когда наткнулся на группу немецких женщин с узлами. Он описал эту встречу в своем собственном, столь же ярком и шокирующем дневнике.

25 апреля.

«Я спросил женщин на ломаном немецком, почему они покинули свои дома, и они с ужасом рассказали мне о первой ночи прибытия Красной армии. “Они тыкали в меня сюда,” — объяснила красивая немецкая девушка, поднимая свою юбку. “Всю ночь. Они все были в прыщах, и все они залазили на меня и тыкали, их было не меньше двадцати”. Она разразилась слезами.

«Они изнасиловали мою дочь на моих глазах,” — добавила её бедная мать, — “и они могут снова вернуться и снова изнасиловать её.”

Эта мысль ужасала всех. “Останься здесь,” — девушка внезапно бросилась ко мне. — “Спи со мной. Ты можешь делать со мной всё, что хочешь, но только ты один”.

Описание Гельфандом травмированной девушки и её матери подтверждает дневник безымянной женщины. Она понимает, что ей нужно найти одного высокопоставленного волка, чтобы предотвратить групповое изнасилование со стороны мужских зверей, она находит такого, и отношения между агрессором и жертвой становятся более транзакционными и более неоднозначными.

«Нельзя сказать, что майор насилует меня. Делаю ли я это ради бекона, масла, сахара, свечей, консервированного мяса? В какой-то степени, я уверена, что да. Кроме того, мне нравится майор, и чем меньше он хочет меня как мужчина, тем больше он мне нравится как человек».

Дневник убедительно показывает, как новые отношения возникают на развалинах разрушенного города, и политические верности отбрасываются, когда домохозяйки вырезают свастики из красных флагов и заменяют их на серп и молот.

Когда жених автора анонимного дневника вернулся с Восточного фронта, она вручила ему стопку своих тетрадей. «Я видела, как Герхард был потрясен. С каждым предложением он становился холоднее. Для него я была испорчена раз и навсегда.

“Вы все превратились в кучу бессовестных сук, каждая из вас в здании. Ужасно быть рядом с вами!”

И она получила такую же реакцию, когда ее дневник был опубликован на немецком языке в 1959 году. Её откровенные рассказы о выборе, который она делала, чтобы выжить, подвергались нападкам за то, что они порочат честь всех немецких женщин. Неудивительно, что автор не позволила переиздавать книгу до своей смерти.

Но насколько можно доверять её версии событий?

Мне нужно было найти кого-то, кто мог бы рассказать мне лицом к лицу о том, что произошло в немецкой столице. Конечно, большинство женщин, которые были изнасилованы в конце Второй мировой войны, уже умерли, но нам удалось найти одну жертву.

Сейчас она живет в Гамбурге, и я поехал на поезде, два часа на север от Берлина, чтобы встретиться с ней и услышать её историю. Ингеборг Буллерт, бодрая женщина с большой золотой брошью и удивительно крепким рукопожатием, встретила нас в своей квартире и готовит нам кофе. Её гостиная украшена фотографиями кошек и книгами о театре.

В 1945 году Ингеборг было 20 лет, и она мечтала стать актрисой. Она прошла прослушивание в Рейхстатеатральной камере режима и получила грант, но при этом была беременна от женатого мужчины, который воевал на Восточном фронте.

Какова была ваша ситуация? Вы жили с матерью?

11 апреля 1945 года я родила ребенка, и сразу после родов мне пришлось уйти из больницы, чтобы дать место людям, пострадавшим от русских бомб.

«Я до сих пор вижу, как иду по улице с крошечным ребенком на руках, а когда прихожу домой, сразу спускаюсь в подвал. Воды не было, электричества не было, и я помню, как мы ходили в туалет, выливая ведра из окна».

Ингеборг жила на Фазаненштрассе, элитной улице в районе Берлина Шарлоттенбург.

И вдруг в этот цивилильный район вошли танковые войска, и вокруг лежало много-много трупов русских и немцев.

«Вы знаете сталинскую трубу? Особый шум летящих бомб у русских? Это звучало как...»

Когда Ингеборг вернулась из больницы, соседи неодобрительно посмотрели на ее новорожденного сына и сказали, что не думают, что он выживет в бомбоубежище. В сравнении с ними враг казался добродушным.

«Помню, первой русской, зашедшей в подвал, была женщина-солдат. Я держала ребенка в корзине, и она очень тепло отнеслась к нему и спросила, сколько ему лет».

Вторая встреча Ингеборг с Красной армией была не столь приятной.

Она вышла из подвала наверх, чтобы поискать кусок бечевки для фитиля.

«Вдруг появились двое русских. Если бы я осталась в погребе, со мной бы этого не случилось. И они направили на меня свои пистолеты, русские. В то время я хорошо выглядела, была молода. И один из них заставил меня обнажиться и изнасиловал.

Потом они поменялись местами, и другой тоже изнасиловал меня. Но они не причиняли мне садистского вреда. Они лишь следовали своему сексуальному желанию. Я до сих пор помню, что думала, что умру, что они меня убьют».

Ингеборг пыталась забыть о том, что с ней произошло, и жить дальше. Ей недавно исполнилось 90 лет, она любит Моцарта и пралине.

Что вы чувствовали потом по поводу случившегося?

«Это было скорее возмущение тем, что это не было предотвращено в таком большом городе, как Берлин. Я обвиняла немецкую армию, вермахт, в том, что они не защитили меня, не защитили женщин и не предотвратили это».

Вы хранили это в тайне почти всю свою жизнь.

«Моя мать даже бегала и хвасталась, что её дочь не тронули. Было трудно рассказать кому-либо или ей самой о том, что произошло на самом деле».

Понимали ли вы, что в Берлине насилюют и других женщин и девочек?

«Это был общеизвестный факт. Все женщины в возрасте от 15 до 55 лет должны были идти к врачу, чтобы получить эту справку и провериться на заболевания, передающиеся половым путём. Если у них не было этой справки, они не получали талоны на питание. Я хорошо помню, что у всех врачей, выдававших справки, были полные залы ожидания».

Каковы были масштабы изнасилований?

Наиболее часто приводимая цифра — ошеломляющие 100 000 женщин в Берлине и 2 миллиона на территории Германии. Это говорит режиссёр-феминистка Хельга Зандер, которая начала исследования для документального фильма в 80-х годах. Мы встречаемся с ней в кафе в Шарлоттенбурге.

Моей главной задачей было выяснить, что такое массовое изнасилование, потому что во всей литературе о Второй мировой войне и после неё всегда был намёк на то, что были массовые изнасилования. Я надеялась, что получу деньги от разных телеканалов, но все телеканалы отсылали меня без интереса, да и не хотели нарушать хорошие отношения с Россией. Слушая Хельгу, я поняла, почему изнасилования так долго игнорировались.

Помимо общественного осуждения, в Восточной Германии было кощунственно критиковать советских героев, победивших фашизм, в то время как на Западе, через стену, чувство вины за преступления нацистов делало немецкие страдания неприкосновенными. Хельга не сдавалась. Она откопала некоторые из немногих сохранившихся больничных карт и отдала их статистику для экстраполяции. Её вывод может быть спорным, но что могут рассказать нам эти документы?

Я подошла к внушительному зданию из красного кирпича, в котором раньше находился завод по производству боеприпасов, а теперь располагается земельный архив, государственный архив Берлина. Меня встречает архивариус Мартин Люхтерханд, который собирается показать мне тайник с документами из Нойкёльна, одного из 24 берлинских районов, чудом уцелевших. Многие из изнасилованных немецких женщин решили сделать аборт, и эти документы дают некоторые реальные цифры.

Но даже они имеют предупреждение. Пока свет горит только в этой зоне, а в остальных местах темно, мы не можем сказать ничего о Берлине в целом. Перед нами на столе лежат три синие картонные папки. Письма с июля 1945 года по октябрь, я думаю. На первой странице — длинный список имён с цифрами напротив них. Сначала указан адрес, затем — срок беременности.

А затем указана дата, когда они получили разрешение на аборт. Третий человек в этом списке — фрау Симон. Здесь говорится, что она была на шестом-седьмом месяце беременности.

Да. Она просто сказала, что её изнасиловали какие-то русские. И этого достаточно, чтобы врачи приняли решение.

Это показывает, насколько тяжёлой была ситуация и что они действительно хотели им помочь. Ведь до этой особой ситуации насколько легко было сделать аборт в Германии? Было ли это достаточно просто или нет? В некотором смысле это было невозможно. В статье 218 Strafgesetzbuch говорится, что делать аборт запрещено.

Во времена нацизма?

Во все времена: до нацистов, во времена нацистов, после нацистов. У этих женщин было небольшое окно из-за особой ситуации, связанной с массовыми изнасилованиями в 1945 году. В общей сложности 995 ходатайств об аборте были одобрены этим бюро в период с июня 45-го по 46-й год.

Это просто ошеломляет. В папках более тысячи хрупких клочков бумаги, разного цвета и размера. Литании страданий, написанные детским круглым почерком или старомодным острым немецким.

Что это за история?

«Эйдерштадт. Я клянусь. Клянусь, что 20 февраля 1945 года меня изнасиловали русские солдаты. То есть это была квартира моих родителей, и в это же время они находились в той комнате».

Значит, они были свидетелями изнасилования?

«Да, они были свидетелями изнасилования».

Историк Атина Гроссман взяла в руки увеличительное стекло и отметила, что женщины использовали нацистскую терминологию.

Они не говорили, что меня изнасиловал оккупационный солдат. Они очень чётко использовали национал-социалистический язык, расовый язык. Как будто они описывали сцену, которую уже видели в кино, потому что именно это нацистская пропаганда говорила им, что так и будет, что Советы — это монголы-мародёры, которые, подобно варварам Чингисхана, придут через восточные степи, проникнут в Германию и будут убивать женщин.

А вот деталь бельэтажа. Здесь написано "русский". Русский.

Ещё один русский. Сильно пьяный. Американец.

А, американец. Что говорится в этом письме? В сентябре 1945 года была небольшая вечеринка. Они тоже немного выпили, а потом её изнасиловал американец, и вечер имел последствия.

Но, да, похоже, что она добровольно пошла на вечеринку, устроенную американскими солдатами. И вот врачи должны решить, верить ей или нет. Пьяный русский был принят в качестве причины, но как насчёт другого солдата в Берлине? Что же с теми другими солдатами?

Корреспондент Би-би-си Ричард Димблби ведёт репортаж из Берлина в июле 1945 года, когда туда входили западные союзники.

Люди движутся в апатии, словно не в силах воспринять всё, что произошло. Только у молодых девушек, кажется, хватает сил улыбаться американским и британским солдатам, но они почему-то всегда это делают. Изнасилования не ограничивались Красной армией.

В этом были замешаны все войска союзников. Боб Лилли — историк из Университета Северного Кентукки, который вырос, слушая военные рассказы своего отца за обеденным столом. Но когда он получил доступ к записям о военных процессах в США, ему пришлось отбросить семейные чувства.

Его книга "Взятые силой" вызвала столько споров, что поначалу ни одно американское издательство не захотело к ней прикасаться, и она вышла сначала во Франции. Лилли подсчитал, что в 1942-45 годах американские солдаты совершили 14 000 изнасилований в Англии, Франции и Германии. Изнасилований в Англии было очень мало, но как только солдаты пересекали Ла-Манш, наблюдался всплеск изнасилований.

Изнасилования стали проблемой как для общественных отношений, так и для дисциплины в армии, и Эйзенхауэр сказал: "Казнить солдат там, где они совершили преступление", и разрешил публиковать казни в таких изданиях, как военная газета под названием "Звезды и полосы".

В Германии был большой, огромный всплеск. А были ли казнены солдаты только за изнасилование?

О да.

Но не в Германии?

Нет. Ни один солдат не был казнён за изнасилование или убийство немецкого гражданина. По скромным подсчётам Лилли, число изнасилований, совершённых американскими войсками в Германии в 1945 году, составило 11 040, и новые исследования продолжают появляться.

Но в то время никому не было дела до немцев. "Они просто немцы", — говорит один из американских адвокатов, Атина Гроссман. Действительно, было много людей, в том числе еврейских женщин, которым самим приходилось опасаться изнасилований со стороны советских солдат, которые говорили: "Смотрите, они это заслужили".

Кому какое дело до того, что случилось с этими людьми после того, что было сделано? Поэтому сексуальное насилие, хотя оно и стало предметом разговоров женщин в Берлине, скрывалось от официальных глаз. Мало кто сообщал об этом, и ещё меньше кто слушал. Только в 2008 году, когда многие жертвы уже умерли, психолог Филипп Куверт первым провёл научное исследование посттравматического стрессового расстройства, вызванного сексуальным насилием в военное время.

Иногда в газетах писали, что это табу, но, на мой взгляд, это не было настоящим табу, потому что настоящее табу — это то, о чём вы почти не знаете. Будучи ребёнком, я знал, что существуют массовые захоронения. Это не было скрыто, так сказать.

Но, с другой стороны, никогда не было возможности как-то официально признать существование выживших. Тем не менее в 2008 году вышла экранизация дневника анонимной берлинской женщины под названием "Анонимы". Он не совсем передал несентиментальный тон книги, но оказал катарсический эффект в Германии, побудив многих женщин начать говорить, потому что на этот раз люди были готовы слушать.

Это был мейнстримовый фильм. Главная актриса, например, Нина Хосс, — одна из самых известных немецких актрис на сегодняшний день. И я решил, что если мы хотим достучаться до женщин, то это хороший шанс, и это был последний шанс, так или иначе.

Мы провели своего рода пресс-конференцию, а на следующий день я сидел здесь, в этой комнате, а телефон звонил и звонил. В своей клинике при Грайфсвальдском университете, окружённой лиственным парком, Филипп в итоге обследовал всего 27 пожилых пациентов. По его словам, социальное признание — это важный шаг в процессе выздоровления.

Но, как и в случае со многими семьями в Германии и России, травма оказалась ближе к дому, чем предполагали психологи.

В прошлом году я встретился со своим старшим братом в Берлине, мы выпили немного вина, и он вдруг рассказал мне, что мой отец, будучи мальчиком, во время их бегства из Западной Пруссии, стал свидетелем изнасилования его матери русским солдатом. Я был потрясён. Мой брат сказал: "О, Филипп, я думал, что ты проводил исследование, потому что знал об этом".

В старом Советском Союзе 9 мая отмечали как День Победы в Великой Отечественной войне, как и сегодня, с интенсивностью религиозного

ритуала. Вера Дубина, молодой историк из Гуманитарного университета в Москве, говорит, что ничего не знала об изнасилованиях, пока стипендия не привела её в Берлин.

"Об этом никто не говорит, поэтому я пытаюсь объяснить, что это очень важная тема". Вера Дубина в 2010 году написала статью о дискурсе вокруг изнасилований в военное время, или об отсутствии такового, но редакторы переделали её, сделав акцент на немецкой вине. "Мою статью никто не захотел печатать, а российские СМИ отреагировали на это очень агрессивно.

Это неправда, и так далее, и так далее". И это всё ещё коллективная травма. Внутри всё ещё есть русский, а также немцы, но немцы говорят об этом, а русские — нет.

Я просто думаю, что новое поколение — это просто жертвы этой новой идеологии о Второй мировой войне. Это просто миф. Никто больше не проводит исследований. Они просто восхваляют нашу победу. Мифологизируют. Да, мифологизируют. И я считаю, что они должны это знать. Такова судьба истории — переписывать её в угоду нынешним интересам. Вот почему так ценны рассказы из первых рук.

От тех, кто смело занимается этой темой сейчас, в преклонном возрасте, как ветеран Ляшенко и Ингеборг Буллит, и от тех, кто моложе, кто приложил карандаш к бумаге на месте.

Виталий Гельфанд, сын нашего автора красноармейского дневника, лейтенанта Владимира Гельфанда, не отрицает, что многие советские солдаты проявили во Второй мировой войне великую храбрость и самопожертвование. Но это ещё не вся история.

«Люди не шли строем в бой. Они не встречали смерть с суровыми улыбками и песнями о родине. Здесь было всё. Трусость. Подлость. Ненависть. Мародёрство. Предательство. Дезертирство. Воровство среди солдат и офицеров. Алкоголизм. Были изнасилования, убийства. Военные награды получали те, кто их совсем не заслуживал».

Недавно Виталий дал интервью на российском радио, что вызвало антисемитский троллинг в социальных сетях: мол, дневники — фальшивка, и он должен уехать в свой Израиль. Он пытается добиться их публикации в России, но до этого ещё далеко.

«Если люди не хотят знать правду, они просто обманывают себя. Весь мир это понимает. Понимает и Россия. И люди, которые стоят за этими новыми законами о порочащем прошлом, даже они это понимают. Мы не сможем двигаться вперёд, пока не оглянемся назад».

Я Люси Эш, и вы слушаете "Изнасилование Берлина". Продюсером выступила Дороти Февер. Последняя сцена. Кладбище Трассер у Лилиенталя.

Здесь находится единственная найденная мной надпись, упоминающая об изнасиловании. Я с Эльфридой Мюллер из берлинского Бюро общественного искусства. Совсем рядом с воротами стоит гранитный камень, а на нём — большой венок с кремовыми, жёлтыми и красными цветами и лентой с немецким флагом.

Вы можете прочесть мне надпись, Эльфрида?

«Против войны и насилия, жертвам изгнания, депортации, изнасилования и принудительного труда. Невинные дети, матери, женщины и девочки. Их страдания во Второй мировой войне должны быть незабываемы, чтобы предотвратить страдания в будущем».

И вы вполне можете пройти мимо, не так ли? Я думаю, что это не совсем мемориал, это своего рода коллективная могила.